

Наслаждаясь свежим ветерком, Шуко уверенно шагал по аллеям внутреннего дворца, направляясь к выходу из дворцового комплекса.

Эн был северо-восточным королевством, относившимся к группе «четырёх государств» вместе с Сай, Кё и Ко. Здешний климат был достаточно холодным, а сухие сезонные ветра постоянно несли прохладу — с северо-востока зимой, и с Къёкая летом.

Лето заканчивалось, постепенно уступая место осени. Ветры с моря день ото дня слабели, а нагретая солнцем земля начинала отдавать накопленное тепло в атмосферу. Это лето выдалось прохладным и сухим — дожди шли довольно редко — поэтому неудивительно было, что собранный урожай был весьма скромным.

Осень в Эн же, напротив, всегда была долгой, ветреной и довольно тёплой. Лишь когда сезонные ветра вновь меняли своё направление, наступала зима — резко и неожиданно, словно гром среди ясного неба.

Расположенный над Морем Облаков королевский дворец был изолирован от погоды и смены времён года, однако даже этот прохладный ветерок уже выдавал скорое наступление осени. В конце осени ожидался сезон дождей, сменявшийся сезоном джофу — сухих, пронизывающих до костей ледяных ветров, дувших со стороны королевства Тай.

— Рокусуй... Я надеюсь, мы успеем вовремя, — Шуко повернул голову и посмотрел на запад, сквозь Море Облаков, попутно задаваясь вопросом: будут ли дамбы готовы к тому времени, когда придёт сезон дождей?

Могучая река Рокусуй текла из провинции Сэй, в которой был расположен Канкью, в провинцию Ген, где она впадала в Къёкай. Провинция Ген была известна своими широкими равнинами и плодородными полями, сформировавшимися благодаря илу, остающемуся после ежегодных разливов реки Рокусуй.

Этот район был необитаем с тех пор, как прошлый король Кё разрушил дамбы близ устья Рокусуя. Когда беженцы, наконец, смогли вернуться домой, они приступили к восстановительным работам. Поговаривали, что поселения возникали и разрастались настолько быстро, что наместник провинции Ген уже не успевал контролировать ситуацию. Для начала, у него не было фактических полномочий для реализации мер по борьбе с наводнениями — Шорью ещё не решил, как поступить с наместниками провинций, назначенными предыдущим королём, и потому большинство из них сохранили свои титулы, но при этом были лишены реальной власти.

Тяжело вздохнув, Шуко принялся спускаться по длинной каменной лестнице, где вскоре увидел идущего ему навстречу Итана.

— Как всё прошло? — с улыбкой поинтересовался Шуко.

— О, я схватил его за шкурку и притащил обратно. Он во внутреннем дворце, переодевается.

Это означало, что они вернулись через Запретные Врата, после чего Итан, должно быть, вышел обратно через врата Сэй.

Запретные Врата были единственным путём, ведущим напрямую во дворец Ген'эй. В общей сложности, человеку, направлявшемуся из Канкью во дворец, предстояло миновать пять ворот. По традиции, к Запретным Вратам доступ имели только король и тайхо. Итану в качестве исключения было даровано особое право проходить через эти врата, однако со свойственной ему строгостью он никоим образом не позволял себе злоупотреблять этой привилегией.

— В таком случае я тоже пойду туда. Есть кое-что, что давно лежит грузом у меня на душе, и что я хотел бы прояснить.

— О, прошу тебя, не сдерживайся, выскажи ему всё, что накопилось. Как ты думаешь, где я нашёл его?

— Хм, ну...

— В борделе в Канкью! Он опять играл в азартные игры, и проиграл всё, вплоть до последней рубашки. Он даже кидзю своего заложил, из-за чего, к слову, и застрял там. Когда я его нашёл, он подметал бордель, и явно занимался бы этим ещё о-о-очень долго, если бы не я.

— Ну, в этом весь Шорью. Ты оплатил его долги?

— Он не из тех, кто стал бы убегать от коллекторов, ты же знаешь. Если бы я этого не сделал, он остался бы там до тех пор, пока не отработал бы всё. И, как ты наверняка понимаешь, поймать хозяина заведения, и объяснить ему, что перед ним сам король, я тоже не мог. Представь, каким ударом по его подданным это стало бы — узреть великого и могучего короля Эн в столь плачевном состоянии!

— Не сомневаюсь.

Когда-то Эн балансировал на грани разрушения — настолько сильно королевство пострадало от действий предыдущего короля и в период безвластия. Восхождение Шорью на престол буквально стало ответом на молитвы его подданных. Поэтому последнее, что им стоило бы видеть — это то, кого именно боги послали им в ответ на их молитвы.

— Он чертовски беззаботен, и иногда мне даже кажется, что это его положительная черта.

Шуко улыбнулся. Человеку со стороны наверняка трудно было представить себе придворного чиновника, отзывавшегося подобным образом о собственном короле.

Итан когда-то занимал пост дэнрё — министра, отвечавшего за налоговые сборы и переписи населения. После смены правителей он был назначен на должность суйдзина. Король прозвал его «Безрассудный» и наделил широким спектром особых привилегий.

У Итана был свободный доступ к королевским спальням, он имел право проходить через Запретные Врата, мог въехать верхом во внутренний дворец, и ему не нужно было склоняться перед королём в земном поклоне. Впрочем, право ругать короля у него за спиной определённо не числилось в списке привилегий Итана.

— Наш король великодушен. Вероятно, поэтому мы до сих пор носим головы на плечах, и даже имеем работу.

Как-то раз, когда новоиспечённый король восседал на троне во дворце Ген'эй, а министры и придворные чиновники собрались вокруг, восхваляя его на все лады, Итан, не выдержав этого фарса, схватил стопку официальных бумаг и швырнул их к ногам короля.

— Давай не будем ворошить прошлое, — поморщился Итан.

Тысячелетия назад, на заре времён, Тентей — Бог-Творец — спустился с Небес и сотворил Двенадцать Королевств. С тех самых пор, престол каждого королевства занимает человек, избранный Небесами.

Фактический выбор правителя при этом совершает Кирин — божественный зверь огромной силы, который повинуется воле Тентея. У каждого королевства всегда есть свой Кирин. Кирины рождаются на горе Хоу (среди санжяку это место известно как гора Тайшань), расположенной в центре мира. Человек, желающий стать правителем, должен отправиться на гору Хоу и встретиться там с Кирином, после чего, если выбор Кирина падёт на него, взойти на вершину горы и услышать Волю Небес. Это паломничество с целью становления королём называлось Шодзан.

Так почему же Итан совершил столь дерзкий поступок на том собрании министров?

— Почему восхождение на трон заняло у вас целых четырнадцать лет?! Шесть лет — уже достаточно длительный срок, а именно столько лет наш Кирин выбирал нового короля, но вы! Вы ещё целых восемь лет слонялись по королевству, избегая поездки на гору Хоу! Восемь лет! И все они потрачены впустую. Эти бумаги — перепись населения за эти восемь лет. Взгляните, сколько ваших подданных в одном только Канкью погибло за время вашего праздного отсутствия!

Весёлая атмосфера на собрании тут же улетучилась. Итан буравил взглядом восседавшего на троне короля. С глубоко заинтригованным выражением лица, король переводил взгляд с рассыпавшихся по ступенькам записей на Итана.

Должно быть, это вышло слегка чересчур грубо. Итан лишь хотел донести до правителя

плачевное положение дел, в котором пребывало королевство. Масштабы проблемы были столь велики, что их просто необходимо было увидеть своими глазами. Тронный зал, как и остальные помещения дворца, был залит солнечным светом. Всё остальное королевство было залито кровью и присыпано обломками.

Каждый житель Эн цеплялся за слабую надежду на то, что после прихода к власти нового короля мир вокруг них начнёт становиться лучше. Однако Итан не был так наивен, и полагал, что одна лишь смена правителя не способна ничего изменить.

Пускай он понимал, что подобная наглость вполне могла стоить ему жизни, Итан не был склонным к суициду человеком. Во времена деспотичного правления короля Кё, он оставался верным ему, не сходя при этом с праведного пути, насколько это было возможным. Итан старался не вызывать недовольства у своего короля, но в остальном всегда поступал по совести. Таким образом, ему довольно долго удавалось балансировать между моралью, этикой и политикой.

Все остальные министры полагали, что с коронацией нового правителя для Эн наконец-то забрезжит рассвет. Вот только новый король не мог стереть всё то, что натворил прошлый, и уж точно не мог вернуть мёртвых к жизни. Итан презирал чиновников, которые забыли об этом и бездумно праздновали коронацию, и ещё больше презирал короля, по тем же самым причинам.

Король ни за что не стал бы закрывать глаза на подобную дерзость, произошедшую сразу же после коронации. И зрелище казни собственного вассала наверняка заставит министров вспомнить деспотизм короля Кё. Это наверняка сорвёт пелену с их глаз. По крайней мере, Итан надеялся, что его бессмысленная наглость хоть как-то привлечёт внимание министров к реальным проблемам.

Итан не сводил с короля взгляда, а король с любопытством разглядывал его в ответ. Казалось, что время в тронном зале остановилось — все вокруг замерли, словно статуи, не решаясь двинуться.

Первым застывшее безмолвие нарушил король. Он поднялся с трона, спустился по ступенькам, поднял бумаги и отряхнул с них пыль, после чего с улыбкой произнёс:

— Я просмотрю их.

Итан смотрел на него взглядом, полным недоверия, пока стражники утаскивали его из тронного зала. После этого инцидента министр Земли разжаловал его. Итан послушно вернулся домой, и ожидал приговора под домашним арестом.

У него не было ни малейшего желания убегать. Кроме того, с двойным количеством стражи у главного входа убежать было практически невозможно. Он просидел под замком пять дней. На шестой день к нему постучался гонец из дворца, доставивший ему «приговор»: Итана восстановили в должности придворного чиновника и назначили на должность суйдзина.

Когда изумлённый Итан вернулся во дворец, чтобы выразить королю свою благодарность, король встретил его улыбкой и словами:

— О, а вот и этот безрассудный человек!

С тех пор «Безрассудный» стало его прозвищем.

— Тогда я был лишь младшим придворным чиновником, — заинтригованно улыбнулся Шуко. — Но эти слухи доходили до меня, и я жалею, что меня там не было.

Однако улыбка Шуко лишь расстроила Итана — каким бы интересным ни казался этот рассказ со стороны, для него это не было поводом для смеха. Он искренне полагал, что поплатится жизнью за свою выходку.

Естественно, после того инцидента он питал к королю исключительно уважение, и не высказывал ни единой претензии в его адрес. Но его запасы преданности и терпения были исчерпаны в мгновение ока. Итан быстро понял, что в этом человеке не было ничего, достойного восхищения. Как мог Итан восхищаться человеком, который играл на деньги (и к тому же, жмотился на ставках) и занимался чем угодно, кроме решения неотложных государственных дел?

— Честно говоря, сейчас я ненавижу себя за то, что в те дни меня так увлекло его великодушие. Сейчас я понимаю — он вовсе не великодушен. Он просто ленив.

— Итан, быть может, тебе стоит иногда думать о том, что ты говоришь? Хорошие манеры и проявления должного почтения позволяют спать спокойно по ночам, знаешь ли.

— С тобой, между прочим, иногда тоже трудно общаться, — смерив Шуко взглядом, ответил Итан.

Первоначально Шуко был младшим чиновником в Министерстве весны, работавшим под началом найши, королевского писца. Во время одной из служебных проверок он имел смелость обратиться непосредственно к королю со словами:

— Мы работали над вашим посмертным именем, и пока что придумали два варианта: «Принц Процветания» и «Принц Разрушения». Подскажите, вы планируете поднять Эн из пепла, или снова сжечь его дотла?

Когда Итан напомнил ему об этом, Шуко лишь слабо улыбнулся и ответил:

— Я всего лишь старался делать свою работу. Видимо, теперь это лучший способ получить повышение в этих краях.

— Что-то со мной твой способ не сработал. Вспомни — шёл третий день после коронации, а я уже сидел под домашним арестом.

— Ой, правда? Должно быть, я старею — память начала подводить меня...

Итан нахмурился, глядя на ясное и невозмутимое лицо Шуко. Они оба выглядели молодо; однако, их внешность была обманчивой. На самом деле, они уже давно пребывали в весьма преклонном возрасте.

— Ну, как бы то ни было, этот младший чиновник теперь — королевский судья. Боги, а Его Величество воистину щедрый человек.

«Мне совершенно без разницы, как меня будут называть после моей смерти» — ответил ему тогда король.

У храбрости Шуко и безрассудства Итана были общие корни. Шуко тоже знал, что рискует жизнью, задавая подобные вопросы. Его ранг был даже ниже чем у Итана, и он служил всего-навсего личным помощником королевского писца. Обращение к королю от человека его статуса считалось тяжким оскорблением. За такое его могли даже казнить на месте.

Однако вместо этого король лишь нахмурился и сказал:

— Пожалуй, я отбракую оба этих имени. Мне становится как-то неловко, когда я представляю, что меня называют столь пафосными, но при этом столь безвкусными именами.

— Э? — только и сумел ответить Шуко.

— При всех ваших литературных талантах, это лучшее, что вы, блестящие писцы, смогли придумать? — поинтересовался Шорью, глядя ему прямо в глаза. — По крайней мере, постарайтесь придумать что-нибудь более остроумное.

— Э-э-э... конечно, — смутился Шуко.

— Даже и не знаю теперь, подходишь ли ты для работы писцом.

— Скорее всего, нет... — после такой выходки, Шуко мог лишь надеяться на то, что его просто уволят. Но вскоре к нему прибыл посыльный и сообщил, что его повысили в должности, что теперь он — королевский судья из министерства Осени.

— Вероятно, благодаря этому мы и оказались в числе приближённых к королю, — заметил Итан. — Возможно, ему нравятся люди, которые способны смело высказать своё мнение.

— Не исключено, — усмехнулся Шуко.

Вдалеке раздались чьи-то шаги, и улыбка моментально сползла с лица Шуко. Вскоре они заметили поднимавшегося по лестнице чоусая и его свиту. Следуя этикету, Шуко и Итан поклонились ему и почтительно отошли в сторону, уступая дорогу.

— Ах, полагаю, этот путь ведёт ко внутреннему дворцу, не иначе, — раздался голос чоусая.

— Ты, — сказал один из сопровождающих, обращаясь к Шуко. — Что ты здесь делаешь? Ты что, заблудился?

Ни Шуко, ни Итан не ответили. Далеко не всем министрам позволялось входить во внутренний дворец. Одно время, людей их статуса вообще туда не пускали. Король даровал им особый допуск, но это было скорее исключением из правил. Из-за этого многие завидовали им, и их зависть иногда проявлялась в подобных саркастических выпадах. Шуко и Итан давно привыкли к ним.

— Вы направлялись во внутренний дворец?

— Да, — коротко бросил Итан.

— О боги, — тяжело вздохнул чоусай. — Как будто Его Величество вообще когда-либо был заинтересован в управлении хоть чем-нибудь.

— Должно быть, он заинтересован в играх со своими любимыми ручными зверьками, — заметил один из сопровождающих.

— Зато каждый раз, когда мы пытаемся помешать ему, нам приходится выслушивать от него поток возмущений, — поддакнул другой сопровождающий. — Когда он начнёт прилагать хотя бы схожее количество усилий к управлению страной?

— Это всё потому, что эти его подчинённые сбивают его с пути.

Их голоса доносились до Шуко с Итаном ещё какое-то время. Вероятно, чоусай возвращался в свой кабинет, расположенный в восточной части внутреннего дворца. Итан подождал, пока звуки шагов стихнут, после чего поднял голову и посмотрел им вслед.

— Кто здесь ещё подчинённый? — фыркнул он. — Кучка коррумпированных оппортунистов, купивших свои чины у короля Кё.

Несмотря на весь сарказм, описание Итана было весьма точным. Когда король Кё сбился с Пути, он потерял всякий интерес к управлению королевством. Его министры решили извлечь

из этого личную выгоду, что только усугубило ситуацию.

Некоторые из них буквально продавали свои услуги за деньги. Когда взятки перестали удовлетворять их растущие запросы, они принялись открыто разграблять королевскую казну. Вместо того чтобы призвать короля Кё к ответу за совершённые им злодеяния, они лишь приумножали разруху и беззаконие, стремясь завоевать расположение своего правителя, и смотрели, как королевство погибало у них на глазах.

— Оставь их, — покачал головой Шуко. — Подобные издёвки — максимум того, на что способны их ничтожные умишки.

— Они винят нас в распутстве Его Величества! — сквозь зубы прорычал Итан. — Впрочем, да, ты прав — вероятно, дело всего лишь в том, что они меряют всех по себе.

— Да и потом, это ведь просто слова, — усмехнулся Шуко.

Итан был суйдзином, и эта придворная должность обычно равнялась титулу среднего барона. Чоусаями же, для сравнения, обычно становились как минимум маркизы. То, что скромный суйдзин, находящийся минимум на четыре ступеньки ниже него в иерархии, обладал привилегией лично встречаться с королём, тогда как чоусай мог сделать это только через посредника, наверняка оскорбляло его.

Ещё хуже было то, что Шуко считался младшим бароном, и в иерархии находился даже ниже Итана.

— Предлагаешь мне просто отмахнуться? Да с этими глупцами давно пора что-то сделать!

— Это для меня далеко не новость.

— Сэйшо пора бы ответить за его дела! Он ближайший человек к Его Величеству. Он уже давно мог бы что-нибудь сделать. Да хотя бы схватить его и привязать к трону! — не выдержав, Итан принялся поносить даже личного телохранителя короля. Застигнутый этим врасплох, Шуко удивлённо посмотрел на него.

— А вся эта ситуация, кажется, действительно задевает тебя.

— А тебя что, нет?! Они пытаются выставить нас парочкой чёртовых сутенёров, которые таскают Его Величество от одного борделя к другому!

— Ну, тогда выше нос. Не позволяй их выпадам задеть тебя.

— Идиот! Это ведь и тебя касается!

— Пускай эти любители молоть языками и дальше болтают всё, что им вздумается. Его Величество в любом случае собирался в ближайшее время начать реорганизацию всего бюрократического аппарата.

Начавший было подниматься по ступенькам Итан остановился и обернулся.

— Наступит ли этот день завтра, или хотя бы в обозримом будущем?

— Правительство сформировано, направление развития определено, путь намечен. Осталось только начать претворять планы в жизнь. До сих пор реорганизация всей иерархии маячила далеко в неопределённом будущем, но сейчас... сейчас мы действительно сможем всё изменить.

Нынешние министры и наместники провинций были назначены ещё при короле Кё. В идеале, все они должны были единовременно подать в отставку сразу после коронации, чтобы новый король мог беспрепятственно сформировать новое правительство. Но, поскольку правительство занималось решением длинного списка накопившихся важных дел, всё осталось как есть.

В итоге проверкам подверглись лишь наместники провинций — к ним были отправлены уполномоченные проверяющие, и гражданских чиновников отныне запрещалось повышать в должности без одобрения этих проверяющих.

Но с толпой нахлебников и подхалимов, годами паразитирующих на правительстве при правлении короля Кё, пора было что-то делать.

— Придворные в смятении. Те ублюдки, которых не выгнали сразу же, решили, что им всё сошло с рук, и принялись портить всё с удвоенным усердием. Неизвестно, где и когда они решат сунуть нам палки в колёса. Так что пока что нам всем следует быть более осмотрительными.

— Двадцать лет. Это уже какая-никакая стабильность. Но даже так, многие из этих мелочных людишек в итоге вполне неплохо перевоспитываются.

— Только потому, что сундуки в императорской казне пусты. Воровать нечего. Хотя, в последнее время при дворе и без того происходит много всего странного.

— Ага. С приходом весны все твари, зарывшиеся под землю зимой, начинают шевелиться.

Итан окинул взглядом окружающие их дворцовые здания.

— О да, и какой же долгой была эта зима.

До коронации, дворец Ген'эй был практически весь покрыт золотом и серебром. Ныне же, по сравнению с былым великолепием, здания выглядели максимально тускло — по приказу короля, дворец лишился всех своих украшений. Золото, серебро и драгоценные камни — даже те, что украшали королевский трон — были проданы за границу, тем, кто предложил наивысшую цену.

Это наглядно показывало уровень бедности в Эн.

Количество построек во дворце сократилось почти вдвое — король повелел разобрать их, а брус и камень отправить на продажу. Лишь башни с чёрными крышами, украшавшие вершины горы Канкю, остались нетронутыми.

Ходила легенда, что королевский дворец был подарен королю-основателю Эн самим Господом Богом-Создателем. Из уважения к этому священному прошлому, предыдущие короли лишь достраивали что-то новое к дворцу, но никто никогда не пытался снести что-либо. Поэтому новость о том, что здания, в которых писалась многовековая история, должны быть не только лишены украшений, но и разобраны до основания, испугала министров, словно стихийное бедствие.

«Просто сделайте это» — велел король.

Все продажные чиновники, разграблявшие королевскую казну и набивавшие свои карманы под властью короля Кё, остались на своих прежних постах. Король мог бы разогнать всех министров и наместников провинций, и конфисковать их имущество, но у него не было на это ни времени, ни возможностей. Первоочередной задачей было восстановление разрушенных ферм и сбор урожая.

Все пастбища и рисовые поля были выжжены и неплодородны. Прошло двадцать лет, прежде чем крестьяне смогли вновь начать возделывать эти поля и посадить урожай, которого хватило бы на то, чтобы прокормить семью. Сокровища из королевского дворца были проданы в другие королевства, склады опустели настолько, что в них не осталось даже самого завалящего солдатского кинжала, и даже с учётом всего этого им едва удавалось сводить концы с концами.

— Воспринимайте всё это, словно свои счета в банке, — посоветовал король. — Люди, которые умеют откладывать, и зарабатывают больше, чем тратят, не почувствуют большой потери, случись чего. Только транжиры пострадают от подобных происшествий. А когда придёт время, мы всё восстановим.

И вот, кажется, это время, наконец, пришло.

— Он выглядит праздным и свободным от забот человеком, но он определённо не дурак, — тихо произнёс Итан.

— Скажем так, — улыбнулся Шуко. — Он использует свои обширные способности самым

отсталым из возможных способов.

<http://tl.rulate.ru/book/4471/455185>